Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Минлань и Молань слишком различались по своему характеру. У них практически не было общих интересов и увлечений, однако сидевшая перед ними девочка с изящными бровями, одетая в парчовые одежды, сумела разжечь огонёк ответственности в сердцах обеих своих сестёр и за это они обе сейчас ненавидели её.

— Сестрица Жулань, мне понравился белый чай, который ты прислала мне в прошлый раз. Поначалу моя мать сочла его странным, потому что её обеспокоили серебристо-белые соцветия в чайных листьях. Но я не ожидала, что у него будет такой освежающий вкус и приятное послевкусие.

В павильоне Таожань находилось несколько девочек, они пили чай. Кан Юань болтала с Жулань, держа её за руку.

— Двоюродная сестрица, раз уж он тебе так понравился, мне стоило прислать тебе побольше, — улыбнувшись, ответила Жулань. — Но этот белый чай дала мне сестрица Минлань. Тебе стоит попросить у неё.

Кан Юань немедленно перевела взгляд на Минлань, которая в тот момент легонько дула на свой чай.

— Этот белый чай был не то что бы дорогим, но он обычно редок в столице, — сказала Минлань. — Сестрица Яньжань прислала мне немного из Юннаня. Мне трудно хранить вещи долго, поэтому я уже раздала все его запасы.

Слушая Минлань, Кан Юань помрачнела.

— Кажется, ты не считаешь меня своей сестрой, — пристально посмотрев на Минлань и нахмурившись, сказала она. — Ты не прислала мне даже немножко.

— Сестрица Кан, моя сестра самая честная девушка на свете, — засмеялась Молань. — Она получила немного чая, и его даже не хватило на то чтобы раздать хоть сколько-то приличное количество нам, родным сёстрам, поэтому она просто послала немного тем, кто был ей ближе всего.

Её слова только подлили масла в огонь. Кан Юань была младшей дочерью тётушки Кан. Она была любимицей матери и не стеснялась пользоваться этим, чтобы командовать всеми. Её сёстры, рождённые от наложниц, не смели с ней спорить, поэтому она не привыкла к подобным колким замечаниям. Услышав слова Молань, она недовольно фыркнула и ответила:

— Ты разослала чай стольким девушкам, даже Веньин из семьи бо Чжунциня, получила подарок, но мне ты ничего не прислала. Возможно, ты меня презираешь. Я скажу об этом тёте, пусть она рассудит.

— Минлань, почему ты не отправила немного белого чая сестрице Кан? Мы же семья, — нахмурилась Жулань.

Минлань поставила на стол чашку с горячим чаем, отряхнула руки и неторопливо ответила:

— Сестрица Яньжань прислала мне всего лишь чуть больше килограмма этого белого чая. Получив его, я сразу же отправила полкило пожилой госпоже Шэн в Юян. Она сейчас заботится о старшей пожилой госпоже Шэн от лица нашей семьи и, должно быть, сильно устаёт. Естественно, как её внучка, я должна выразить ей почтение таким образом. Затем я отдала четверть килограмма главной госпоже, а остальное поделила на шесть равных порций. Я раздала их сестрице Хуалань, сестрице Жулань, сестрице Молань, сестрице Хай и сестрице Юнь. Сестрица Хуалань заботилась обо мне с самого моего детства, поэтому я также отправила ей и свою долю, вот почему сестрица Веньин тоже получила немного этого белого чая. Кузина Кан, если тебе так понравился этот чай, я могу написать сестрице Яньжань и попросить её прислать ещё, но Яньжань сейчас далеко от столицы и поэтому придётся ждать довольно долго.

В итоге получилось так, что Минлань раздала весь чай членам семьи Шэн. Она даже отправила свою собственную порцию Хуалань и для неё самой чая не осталось. Кан Юань не была дочерью семьи Шэн и поэтому не имела права осуждать Минлань в этой ситуации. Даже если бы она пожаловалась об этом Ван Ши, Минлань легко смогла бы выкрутиться.

Не сумев найти, к чему придраться в словах Минлань, Кан Юань обиженно надула губы, но, подумав немного, улыбнулась.

— Я же всего лишь шутила, — сказала она. — Почему ты принимаешь это так близко к сердцу?

Кан Юань была законной дочерью знатной семьи, но её отец не имел больших амбиций и не желал развиваться, поэтому сейчас семья Кан переживала не самые лучшие времена. Она не завидовала Хуалань и Жулань за то, что они жили лучшей жизнью, чем она, но она недолюбливала Молань и Минлань, поэтому часто выделяла Жулань среди остальных сестёр. Несмотря на то что она улыбалась в лицо Молань и Минлань, её недоброе отношение к ним проявлялось в том, что она при каждой встрече напоминала Жулань, как она обращается с дочерьми наложниц в своей семье и как это было здорово. Поэтому каждый раз после визита Кан Юань в поместье семьи Шэн, Жулань длительное время относилась к Молань и Минлань более прохладно.

Закатив глаза, Кан Юань улыбнулась.

— Мне частенько говорят, что у тебя умелые руки и что ты хорошо шьёшь, — сказала она. — Помнишь, в прошлый раз я просила тебя пошить балдахины для моей матери? Ты закончила их?

— Нет, — беззаботно ответила Минлань. — Боюсь, тебе придётся ещё немного подождать.

Привыкшая срывать на своих сестёр Кан Юань тут же фыркнула.

— Эти балдахины предназначены для твоего старшего родственника, но ты так неохотно занимаешься ими. Я слышала, что ты добрая и почтительная, но сейчас ты отлыниваешь. Неужели ты не любишь мою маму?

Минлань бросила взгляд на Молань. Та спокойно пила чай с опущенной головой и поэтому Минлань решила сражаться в одиночестве.

— Двоюродная сестрица, ты не так меня поняла, — с обеспокоенным видом ответила Минлань. — Я никогда не ленилась. Понимаешь, в последнее время на улице стояла жара и, учитывая, как легко дети могут заболеть в жару, я сшила две исподних рубахи для Ши и Цюань. Я была такой неуклюжей, что эта работа заняла у меня очень много времени. Я только вчера отослала их сестрице Хуалань и сестрице Хай. Тётушка Кан мудра, и я уверена, что она растила своих детей в заботе, так что она наверняка поймёт меня.

Глаза Жулань загорелись.

— Подожди, ты сделала две исподних рубахи?

— Да, — пару раз подмигнув Жулань, ответила Минлань.

Уловив намёк, Жулань немедленно замолчала и опустила голову.

Каждый раз, когда Минлань делала что-то для Хуалань, она делала это в двух экземплярах и отправляла один от имени Жулань, поэтому у Жулань была очень хорошая репутация среди родственников бо Чжунциня. Это казалось Минлань мудрым решением.

Заметив реакцию Жулань, Кан Юань разозлилась ещё больше.

— Так когда ты планируешь закончить их?! — воскликнула она. — Не пытайся запутать меня! Все мои сёстры всегда быстро заканчивают порученную работу!

Подняв перед собой руки, Минлань произнесла со всей невинностью, на которую была способна:

— Разве можно сравнивать меня с твоими сёстрами? Я единственная младшая сестра Жулань, но в твоей семье у тебя так много сестёр. Ах, сестрица Жулань, вот бы у тебя было больше младших сестёр, они наверняка помогли бы мне с шитьём.

Выражение лица Жулань переменилось. Ей явно не хотелось иметь больше сестёр, не важно законных или от наложниц. Молань прыснула от смеха и тихонько подрагивала, прикрыв рот ладонью.

— Я не это имела в виду! — топнув ногой, воскликнула Кан Юань. — Я просто пыталась объяснить тебе, что ты работаешь неэффективно.

— Я поняла, — с готовностью ответила Минлань. — Я буду следовать примеру моих двоюродных сестёр и больше практиковаться. Так или иначе, я должна научиться шить также хорошо, как и столичные вышивальщицы.

На этом моменте Жулань уже тоже не сумела сдержать улыбки. Тётушка Кан была красноречивой, но у неё было злое сердце. Она часто намеренно усложняла жизнь детям наложниц и никого из дочерей не выдала в хорошие семьи. Несмотря на то что тётушка Кан часто посещала поместье семьи Шэн, Минлань до сих пор сумела увидеть лишь двух дочерей от наложниц из семьи Кан. Они обе выглядели хорошо, но одна была стеснительной и трусливой, а другая постоянно подлизывалась к законной матери и сестре.

Минлань была благодарна Небесам за то, что попала не в столь ужасную семью, иначе она наверняка покончила бы с собой. Несмотря на то, что Кан Юань была задирой, она была настолько трусливой, что осмеливалась задирать лишь Минлань, у которой не было ни родной матери, ни братьев.

Ответы Минлань бесили Кан Юань, но она никак не могла придумать подходящего ответа. Минлань сформулировала всё настолько осторожно, что подловить её, казалось, было нереально.

В тот момент снаружи донёсся шум, словно бы там началась перепалка. Жулань нахмурилась и велела Сицюэ сходить посмотреть, что там. Спустя некоторое время та вернулась и с улыбкой объяснила:

— Госпожа, там ничего серьёзного. Сичжи мерила новую заколку в своей спальне, но когда Сиюэ увидела это, она решила, что Сичжи украла её заколку, поэтому у них началась небольшая перепалка. Я отчитала их и они, кажется, помирились.

Жулань собиралась что-то ответить, но Молань опередила её.

— Сиюэ, кажется, совсем не блещет умом, — многозначительно протянула она. — Несмотря на то, что они обе дочери слуг, она не вправе нападать на Сичжи. Родители Сичжи — одни из главных слуг господина и госпожи, кроме того, все её братья и сёстры проявляют усердие и демонстрируют хорошие навыки. Что до Сиюэ, её мать недавно умерла, а её отец выпивоха. Как она посмела ругаться с Сичжи? Даже если она такая храбрая, она должна дважды подумать о том, стоит ли влезать в дело и какие могут быть последствия.

Лицо Кан Юань покраснело от злости. Жулань чувствовала себя неудобно, но не могла придумать, что сказать. Молань окинула их всех взглядом и сказала, взглянув на Сиюэ:

— Несмотря на то, что все вы служите сестрице Жулань, у всех у вас разные родители и разные фамилии. Вам не стоит влезать в дела других семей. А учитывая ваше низкое происхождение, вам и вовсе не стоит испытывать удачу.

Стукнув рукой по столу, Кан Юань вскочила на ноги.

— Что ты хочешь этим сказать?! — гневно воскликнула она.

— Я всего лишь учила её, как ведут себя хорошие служанки, — притворно испугавшись, ответила Молань. — Я даже не отчитывала и не наказывала её. Думаешь, я сделала что-то неправильно? Я не смею лезть в вещи, которые лежат за гранью моих сил. Если я захочу воспитывать слуг, я пойду в свои покои и буду воспитывать своих слуг.

Молань с улыбкой посмотрела на Кан Юань. Она никогда не зависела от Ван Ши. По факту, пока Кан Юань насмеялась над её статусом дочери наложницы, тётушка Кан даже предлагала Ван Ши намеренно не искать Молань хорошую семью, дабы та не испортила ей жизнь в будущем, поэтому Молань изначально была готова к вражде с Кан Юань и тётушкой Кан.

Кан Юань была настолько зла, что вылетела из комнаты, бросив ещё пару возмущённых слов.

Минлань задумчиво смотрела на покачивавшиеся листья на деревьях, которые уже собирались опадать.

— Становится холоднее, — с улыбкой сказала Минлань Жулань. — Когда холодает, у отца начинают болеть колени. Может, стоит сшить ему пару наколенников? Сестрица Жулань, мы могли бы пошить их вместе. Поможешь мне подготовить ткань?

Шен Хун прекрасно знал о неумении Жулань работать руками, поэтому у неё никак не вышло бы провести отца и выдать чужую работу за свою. Но если изначально обозначить это как парную работу с Минлань, то он наверняка похвалил бы Жулань за участие. Поэтому Жулань с готовностью согласилась.

— Да, конечно, — ответила она. — У меня есть хорошая ткань, давай выберем подходящую.

По сути, заняться обработкой ткани могли и её служанки, так что Жулань требовалось всего лишь предоставить материал.

Согласно правилам, женщинам в период траура запрещалось посещать развлекательные мероприятия или устраивать пиры. Однако, они могли посещать родственников и заниматься рукоделием, поэтому нельзя было сказать, что они страдали от скуки.

Однако, мужчинам в период траура было невыносимо скучно. По прошествии нескольких месяцев, некоторые дети аристократов из богатых семей начали постепенно проявлять свою истинную натуру. Некоторые проводили банкеты в своих домах, пили и кутили с друзьями. Другие отправлялись в бордели и развлекались там. Были даже и те, кто втайне заводил себе наложниц.

Новый император лишь недавно взошёл на трон, и придворные всё ещё не до конца знали, чего от него можно ожидать. Поэтому они в большинстве своём не осмеливались докладывать ему обо всём этом безобразии. Однако в итоге молодой работник цензората из отдела Шэн Хуна всё-таки написал императору о происходящем. Прочитав доклад, император пришёл в ярость, и в результате было сорвано заседание кабинета министров.

Нельзя было сказать, что нынешнему императору до восхождения на престол жилось легко. А теперь, после смерти отца, он не имел права спать с наложницами или устраивать пиры. Он даже временно выслал из дворца служанок, умевших петь и танцевать. Нынешний император был простым человеком небольших амбиций, но то, что дворяне, получавшие жалование из императорской казны, осмелились так открыто нарушить его волю, возмутило его. Поэтому император принялся действовать немедленно.

Сначала он поблагодарил молодого цензора и объявил его человеком невиданной праведности, смелости и верности. За то, что тот цензор не побоялся изобличить дворян, император велел повысить его в звании и щедро вознаградить. Затем он выпустил приказ, в котором говорилось, что губернатору префектуры Шуньтянь следовало ужесточить карательные меры для нарушителей траура, цензорату — исправно докладывать обо всех нарушениях, а пяти армиям — пребывать в повышенной готовности, ожидая возможного приказа о массовых арестах.

Следуя примеру своего удачливого молодого работника, весь цензорат погрузился в работу с головой. Освоившись на новой работе, Шэн Хун не спешил портить отношения с благородными, и потому выдвинул обвинения лишь паре-тройке не особо высокопоставленных дворян. Но молодые цензоры не были столь скромны, и вскоре цензорат уже проводил разбирательства против практически всех «заблудших» дворян столицы.

Мужской моральный кодекс древнего Китая достаточно однозначно утверждал: «Сыновняя почтительность была наивысшей из добродетелей». Поэтому император не сдерживался, наказывая дворян, нарушивших траур по его отцу, и никто не смел перечить ему. К тому же, многие работники цензората поддерживали императора ещё и по другой причине — они недолго любили дворян.

Всего за две недели император успел покарать более дюжины благородных семей. Наказания включали в себя штрафы, отзывы жалования, лишения постов и титулов...

После этого наиболее видные и зажиточные члены императорской семьи принялись организовывать нападки на служащих цензората прямо на улицах. Узнав об этом, император приказал страже арестовать организаторов нападений и немедленно доставить во дворец, после чего подверг их порке плетью. Оправившихся от травм доставляли в студенческое общежитие в императорской академии, где по просьбе императора наиболее добродетельные преподаватели читали им лекции, стремясь научить их подобающему поведению и привить им честность, верность, скромность и почтительность. Периодически император присылал туда двух своих секретарей, дабы те проверяли ход обучения. Чтобы попасть домой, учащимся нужно было процитировать по памяти какое-либо из учений о добродетели. Какое именно — выбирали секретари. Если опрашиваемые не выказывали своим экзаменаторам должного почтения, их снова пороли до тех пор, пока они не признавали свои ошибки и не начинали молить о пощаде.

Контингент дворян, попавших на принудительное обучение, в основном представлял из себя пьяниц и бабников, которые привыкли проводить дни, делая ставки на петушинные бои или собачьи забеги, и задирая простолюдинов, наслаждаясь безнаказанностью. Поэтому ни для кого не стало сюрпризом то, что их перевоспитание затянулось надолго. Уже близилась зима, а большая их часть была всё ещё заперта в студенческом общежитии. Нерадивых учеников кормили лишь сырыми овощами и парными булочками, а наиболее строптивых били практически каждый день. Больше всего страдал сын принцессы Циннин. Принцесса искренне любила своего сына, и потому попыталась отправиться к императору и вымолить у него прощение. Однако её даже не пустили во дворец.

— После смерти моего отца весь наш народ охвачен скорбью, — евнух, поймавший принцессу, с мрачным видом принялся зачитывать императорский указ. — И в ходе траура некоторые члены императорской семьи пользовались моей добротой и совершали грех у меня за спиной. Государству не нужны столь неверные и недобродетельные люди.

Услышав приказ, принцесса Циннин ужаснулась. Прошлый император Жень-цзун был добрым и щедрым человеком. Он снисходительно относился к своим внукам и очень редко наказывал дворян, с которыми был связан узами крови или дружбы. Именно в тот момент принцесса Циннин осознала — того императора больше нет. Ныне никто не имел права прийти во дворец и начать вымаливать пощаду у императора. От всех членов императорской семьи, нарушивших траур, ожидалось, что они поблагодарят императора за то, что он помог им обрести добродетель и научиться культурным ценностям. И им не оставалось ничего иного, кроме как сделать это. Некоторые из них, особенно травмированные подобным перевоспитанием, начали даже писать стихи, в которых восхваляли императора за его мудрость.

После принятия подобных мер, все придворные поняли — новый император не был таким же мягкосердечным, как и прошлый. Неважно, был ли он на самом деле мудрым человеком — с ним так или иначе приходилось считаться.

— Его Величество избрал тактику устрашения, — сказал сидевший за столом Шэн Хун. Он был одет в зелёный домашний халат с круглым воротником. Отложив в сторону недописанное

письмо, он продолжил, поглаживая бородку. — Он поступает правильно. В это непростое время ему следует припугнуть непокорных дворян возможными последствиями.

— Его Величество без проблем взошёл на престол, — поразмыслив какое-то время, ответил Чанбай. — Разве остался при дворе кто-то, кто не одобряет его правления?

— Конечно же, — ответил Шэн Хун, дописывая что-то мелким шрифтом с краю свитка, — Его Высочество Цзин, пятый сын прошлого императора. Если судить по старшинству, то трон должен был занять он. Но прошлый император не любил его за его жестокость, поэтому ему даровали земли где-то на отшибе и выслали из столицы. Но после восстания Шэнь Чень, прошлый император сразу же даровал титул императрицы матери нынешнего императора. Естественно, как пятый сын, Цзин не мог одобрить такое решение.

— И теперь, когда Его Величество взошел на трон, Его Высочество Цзин стал его подданным, — понимающе кивнул Чанбай. — Надеюсь, император будет мудр и не даст этому перерасти в открытый конфликт. Всем нам стоит ценить мирную жизнь.

Наконец закончив писать, Шэн Хун удовлетворённо отложил в сторону кисть и достал свою личную печать, чтобы подписать письмо.

— Нам не стоит вмешиваться в дела императорской семьи, — задумчиво произнёс он. — Подумай лучше о делах нашей семьи. Пожилая госпожа в своём письме сообщила, что старшая пожилая госпожа Шэн уже при смерти. Когда она умрёт, Чанву предстоит соблюсти год траура. Какая жалость! Он прослужил офицером меньше года.

— С проблемой брата Чанву легко разобраться, — шепотом ответил Чанбай. — Он на хорошем счету на службе, его коллеги уважают его. Мы поможем ему вернуть чин уже спустя девять месяцев. Но... вчера к нам опять приходила тётушка Кан.

— Твой дядя сейчас в большой беде, — нахмурившись, ответил Шэн Хун, оценивающе разглядывая свой каллиграфический изыск. — Он настолько нагл и тщеславен, что посмел критиковать работу кабинета министров. Его дерзость не знает границ, и это выливается в подобные поступки. Даже если бы я захотел помочь ему, я не смог бы ничего сделать.

Чанбаю тоже определённо не нравился дядюшка Кан. Но они были родственниками, и тётушка Кан постоянно просила их о помощи, и потому ему тяжело было сидеть, сложа руки.

— Может быть, мы сможем помочь двоюродному брату Кан? Кажется, он надёжный и способный человек.

Отложив свиток в сторону, Шэн Хун встал из-за стола и принялся прохаживаться по комнате взад-вперёд. Подумав немного, он, наконец, ответил:

— Ну хорошо. Я думаю, мы можем помочь ему.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1053770>